

О. А. Черепанова

**«ЗАПИСКИ» КНЯГИНИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ДОЛГОРУКОЙ:
НАБЛЮДЕНИЯ НАД НЕКОТОРЫМИ ЯЗЫКОВЫМИ
И СТИЛИСТИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ТЕКСТА
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ И ЛИЧНОСТИ АВТОРА**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье рассматриваются некоторые явления синтаксиса и лексики, характеризующие текст «Записок» княгини Н. Б. Долгорукой как типичный для «среднего штиля» второй половины XVIII в., в то же время предвещающий появление «нового слога» в языке и направления сентиментализма. Утверждается наличие в тексте элементов экспрессивного синтаксиса. Библиогр. 4 назв.

Ключевые слова: «средний» стиль, лексический состав, модус, экспрессивный синтаксис.

NOTES BY COUNTESS NATALIA BORISOVNA DOLGORUKAYA: OBSERVATIONS OVER SOME FACTS OF THE LANGUAGE AND STYLE IN THE CONTEXT OF THE EPOCH AND AUTHOR'S PERSON

O. A. Cherepanova

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article analyzes several syntactical and lexical textual particularities of the Notes by countess N. B. Dolgorukaja as typical for middle style of the second half of the 18th century. At the same time the text preliminaries the new style and style of the sentimentalism. The article confirms elements of the expressive syntax in the text. Refs 4.

Keywords: «middle» style, lexical staff, modus, expressive syntax.

«Записки» кн. Н. Б. Долгорукой¹ [1] представляют интерес и с культурно-исторической, и с языковой точек зрения. В отношении языка «Записки» интересны в нескольких направлениях — преимущественно в отношении синтаксических построений и стилистической организации текста. Автора нельзя причислить к числу известных женщин XVIII в., глубоко погруженных в интеллектуальную и литературную жизнь эпохи. До 15 лет она получила приличное ее статусу образование, но в дальнейшей жизни у нее были преимущественно иные заботы. «Записки», по словам самой Н. Б. Долгорукой, имеют приватный характер, адресованы ее детям — старшему сыну кн. Михаилу Ивановичу и его супруге Анне Николаевне, урожденной баронессе Строгановой, поэтому они написаны очень живо, с включением элементов разговорности, без оглядки на каноны литературности. События излагаются через личностное восприятие автора, весьма ярко выраженное. Вместе с тем язык «Записок» в значительной мере отражает состояние литературного языка времени их создания; это язык «среднего штиля», язык повествовательного произведения. Однако чувствуется его некоторая архаичность, вызванная тем, что Долгорукая в течение значительного времени была изолирована от культурной жизни общества (на-

¹ Текст, изданный в С.-Петербурге в 1913 г., имеет название «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой» (см.: URL: http://az.lib.ru/d/dolgorukaja_n_b/text_zapiski.shtml (дата обращения: 12 июля 2014 г.)).

пример, форма аориста, правда единичная в «Записках», для литературного языка последней трети XVIII в. явно архаична).

«Записки» Долгорукой, в том числе и с точки зрения характеристики их языка, могут быть восприняты в полной мере в контексте личности автора и эпохи, поэтому необходимо сказать несколько слов об авторе и обстоятельствах ее жизни, изложенных в мемуарах.

Княгиня Н. Б. Долгорукая, до замужества графиня Шереметева, в 1730 г., 15 лет отроду была со всей пышностью обручена с 22-летним князем Иваном Алексеевичем Долгоруким, ближайшим клеветником императора Петра II. Однако почти сразу после этого события Петр II скончался, и на престол взошла Анна Иоанновна, которая знала о желании многочисленного и могущественного клана Долгоруких возвести на престол Екатерину Долгорукую, с которой Петр был обручен. Позднее выяснилось, что И. А. Долгорукий подделал подпись Петра II в его завещании, сделанном якобы в пользу Долгорукой. Поэтому вполне понятно, что на семейство Долгоруких обрушились всяческие репрессии со стороны новой императрицы и ее фаворита Бирона. Многие члены семьи, в том числе молодая супружеская пара И. А. и Н. Б. Долгорукие, были сосланы сначала в свои отдаленные деревни, затем на север Сибири, в городок-крепость Березов, находящийся в 1000 с лишним верстах к северу от Тобольска. Через несколько лет было раскрыто дело о подделке подписи, и супруга Н. Б. Долгорукой перевели в Шлиссельбург, затем в тюрьму под Новгородом, где он и был казнен колесованием. Княгиня оставалась в Березове, она не сразу узнала о печальной судьбе мужа, но через некоторое время ей было разрешено вернуться из ссылки. Она приехала в Москву как раз в день смерти Анны Иоанновны. С 1740 по 1758 г. она была занята воспитанием двух сыновей, один из которых рано умер, потому что был слаб здоровьем (как раз перед его рождением Наталья Борисовна узнала о казни мужа), страдал нервным расстройством. В 1758 г. Долгорукая постриглась в одном из киевских монастырей, умерла она в 1771 г.

«Записки» написаны в 1767 г. В них излагаются события только до прибытия Долгоруких в Березов. Дальнейшее отражено лишь отрывочно в отдельных небольших текстах, принадлежащих перу Натальи Борисовны. В работе использовано издание Суворина 1897 г. [1], имеющее заглавие: «Записки княгини Наталии Борисовны Долгорукой»¹, которое, в свою очередь, перепечатано с наиболее исправного списка, помещенного в «Русском Архиве» 1867 г.

«Записки» Долгорукой вошли в круг источников Словаря русского языка XVIII в., поэтому лексика текста в словаре представлена полно. Можно отметить только одну словоформу, которая не актуализирована в словаре, но которую, возможно, туда следовало бы поместить в ранге словоупотребления. Есть словарная статья *круто*..., указывающая на первую часть сложных слов с этим словообразовательным элементом и включающая прилагательное *крутоберегий* [2, с. 49], но в тексте фигурирует словоформа *крутоберего* в качестве предикативного наречия/категории состояния: ...как ключь ко дну; такъ *крутоберего* было и глубоко [1, с. 26]. Представляется интересным следующее словоупотребление: и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать *последнее* счастье; не токмо въ такомъ состоянии, какъ я шла [1, с. 19]. Употребление прилагательного *последнее* (счастье) в значении 'будущее, последующее' отражает архаичные представления, когда будущее мыслилось как находящееся сзади, а прошлое — впереди. Об этом может сви-

детельствовать также неоднократное употребление слова *предбудущее* (ср. *предыдущее*, *предшествующее*).

Лексический состав «Записок» — это в целом слова и выражения повествовательного произведения «среднего» стиля. Вместе с тем в ткань повествования органично включаются многочисленные лексемы и выражения «обиходной» речи и просторечия: *мнѣ никакого слѣду не было къ нынѣшнему моему достоянью* [1, с. 2]; *никакого слѣду не имѣла въ коронѣ* [1, с. 12]; *кому былъ слѣдъ въ коронѣ* [1, с. 12]; *улица заперлась* [1, с. 7], т. е. стала непроходимой от множества народа; *лизнулъ медку* [1, с. 8]; *вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою* [1, с. 19]; вводно-модальные слова *право*, *знать*, *сказывают*, употребляемые неоднократно; *сшиблись с дороги* [1, с. 25], т. е. сбились с дороги, потеряли дорогу; *тошно* [1, с. 44] 'плохо, мучительно'; вместо усилительного наречия *очень* используется *много* в конструкции *не так много*, т. е. 'не очень': *не так много дурно думала* [1, с. 10]; прилагательное *подлый* (онѣ былъ самый подлый человекъ — о Бироне [1, с. 16]) употреблено как синкрета с совмещением оценочного и социально-маркирующего значений; неоднократно используется усилительная частица наречного происхождения *куда*: *куда какое это злое время было!* [1, с. 17] и т. п. Слова и выражения, близкие к «высокому» стилю, используются преимущественно для повышения эмоциональности речи при описании наиболее напряженных ситуаций: *я радовалась тѣмъ видя себя въ такомъ благополучи цвѣтущую* [1, с. 6]; *буря грозная возстала* [1, с. 8]; *позорище* — зрелище [1, с. 14]; *поѣхали непроходимыми стезями* [1, с. 24]; *источники изъ глазъ лились* [1, с. 4]; *прѣбзъмѣрно* [1, с. 3]. Как представляется, в отдельных случаях «высокая» лексика употребляется не совсем адекватно, например: *сострадательная жизнь* [1, с. 8], т. е. жизнь, полная страданий. Имеются отдельные вкрапления официально-светских выражений: *рекомендовать себя въ ихъ милость* [1, с. 20]; *первая персона въ государствѣ* [1, с. 5]; выражения церковного обихода: *молитва его предъ Богомъ была неусыпная* [1, с. 44]. В целом лексический состав «Записок» интересен своей многоплановостью, разнородностью стилевых элементов и их функциональных нагрузок, он дает представление о живых процессах в языке и речи эпохи, в известной мере знаменует приближение того языка, который мы называем современным литературным языком.

Особенно интересен синтаксис «Записок», характеризующийся неоднородностью и многослойностью. В значительной мере он соответствует нормам литературного языка второй половины — последней трети XVIII в., вместе с тем имеет ряд архаичных черт; в нем есть элемент разговорности и такие черты, которые нельзя назвать в полной мере разговорными, но к которым применим термин «синтаксис обиходного языка».

В наибольшей степени внимание привлекают явления, указывающие на неполную степень синтаксической выраженности подчинительных отношений в языке произведения, и это является одной из существенных характеристик языка эпохи именно второй половины XVIII в. — в его функциональных разновидностях. Написанные очень живо и выразительно, «Записки» имеют богатую и яркую модусную часть текста. Некоторые синтаксические явления, формирующие эту модусную часть текста, и в первую очередь его экспрессивную составляющую, дают возможность говорить об экспрессивном синтаксисе в текстах второй половины XVIII в. Исследователи, в том числе Г. Н. Акимова [3, с. 79], полагают, что экспрессивный син-

таксис возник в недрах языка художественной прозы, начиная от Карамзина и Пушкина, и связан с развитием ее новых стилеобразующих черт.

Труды многих исследователей по синтаксису XVIII в., в частности Ломоносова, показывают, что организация высказывания во второй половине XVIII в. уже была подчинена тем же закономерностям, какие наблюдаются в современном русском синтаксисе. Семантически неэлементарные, полипропозициональные предложения имеют многообразные структуры. Это мы видим и в «Записках» Долгорукой. Вот пример сложного синтаксического образования, имеющего развернутую полипропозициональную структуру: «Я росла при вдовствующей матери своей, которая старалась о воспитании моем, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ достоинствъ умножить» [1, с. 3]. Вместе с тем в «Записках» можно наблюдать достаточно многочисленные явления, указывающие на неполное развитие средств передачи подчинительных отношения, на наличие паратаксиса в тех случаях, когда в современном языке подчинительная зависимость выражена формально. Приведем их.

1. Если оба главных члена выражены именными формами, то абсолютно преобладающими оказываются конструкции двойного именительного. Следует иметь в виду, что их распространенность могла быть поддержана влиянием европейских языков аналитического строя, в первую очередь французского. Таких примеров много: именная часть — существительное: *я имъ буду утѣха при старости* [1, с. 2]; *сталъ своему дому господинъ* [1, с. 4]; *отецъ мой былъ первый фельдмаршалъ* [1, с. 7]; *первая персона въ государстве былъ мой женихъ* [1, с. 5]; *Я въ радости ихъ не участница была, а въ горести ихъ товарищъ* [1, с. 23]; *а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ. Чтобъ не я одна невольница была и осетръ со мною* [1, с. 35]; в составе предиката — прилагательное или причастие, местоимение: *да онъ со мною не говоритъ, кажется неприступный* [1, с. 29]; *по большей части находятъ въ свѣтъ изъ знатныхъ домовъ происходящие бѣдственны* [1, с. 2]. В ряде конструкций подобного типа современная норма допускает употребление второго именительного с семантикой стабильного признака: *онъ былъ самый подлый человекъ* [1, с. 16]; *какой этотъ глупый офицеръ былъ* [1, с. 41]; *мы тому достойны были* [1, с. 9]; *надежда бываетъ обманчива* [1, с. 4]; *я тому недостойна была* [1, с. 3]; *онъ былъ великъ* [1, с. 10]; *послѣ всѣхъ этихъ веселий...которые мнѣ казалось навѣки нерушимы будутъ* [1, с. 8]; и т. п. Отдельные конструкции закрепились в современном языке как устойчивые формулы: *Я очень была счастлива женихами* [1, с. 5]. Употребления творительного предикативного единичны: *онъ мнѣ женихомъ сталъ* [1, с. 5]; *я льстила въпредъ быть счастливой* [1, с. 5]; *с четырехъ лѣтъ стала сиротою* [1, с. 43]; *Я радовалась тѣмъ видя себя въ такомъ благополучии цвѣтущую* [1, с. 6] — в последнем случае причастие сохраняет выраженную глагольность. Приведенными примерами употребление творительного предикативного исчерпывается.

2. Представлены случаи паратаксиса при передаче определительных отношений: *поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки* [1, с. 29]; *все судно изъ пазовъ доски вышли* [1, с. 40]; *упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ* [1, с. 28]; *Надобно было ехать черезъ всѣ полки... я поспѣшила домой, еще не распущены были* [1, с. 14]; *положилъ меня въ чулане, который для насъ сдѣланъ былъ, дощечками огороженъ, на кровать* [1, с. 45]. В этом можно видеть влияние разговорной речи.

3. Формальная невыраженность подчинительных отношений проявляется и в большом числе независимых синтаксических оборотов, включающих причастия и деепричастия. Хотя «золотой век» причастий к последней трети XVIII в. уже в целом миновал, причастные и деепричастные обороты, конструктивно зависимые и свободные, в качестве средства осложнения предложения, средства семантической и структурной компрессии были очень распространены (можно сослаться на диссертацию И. А. Эгипти [4], посвященную этим оборотам в произведениях Радищева). «Записки» же такими конструкциями изобилуют. Некоторые представляют собой рудименты оборота «дательный самостоятельный»: *Подумайте, будучи дѣвкѣ въ 15 лѣтъ такъ обрадованной!* [1, с. 6]. Помимо элементов дательного самостоятельного в этом высказывании присутствует элемент синтаксической компрессии: словоформа *будучи* совмещает в себе предидирующую часть как оборота, так и последующей части высказывания. Как отмечают исследователи [4, с. 16], для языка XVIII в., преимущественно для его первой половины и середины, характерно употребление конструкций, имеющих в своем составе деепричастия *будучи*, *быв*, *бывши*. Это мы видим и в следующей конструкции, также имеющей своим истоком, вероятно, оборот «дательный самостоятельный»: *Подумайте, каково мнѣ тогда было будучи в 16 лѣтъ* [1, с. 17].

Независимые деепричастные обороты в тексте «Записок» достаточно многочисленны: *Знавѣ его невиновность... мнѣ казалось...* [1, с. 10]; *Забывѣ себя, жаль товарища своего* [1, с. 44]; *видѣвѣ меня въ такомъ жалкомъ состояннн, молитва его предѣ Богомъ была неусыпная* [1, с. 44]; *я почитала за великое благополучие, видя его къ себѣ благосклонна* [1, с. 5]; *да и приѣхавши на квартиру обсушиться негдѣ* [1, с. 38] и т. д. В известной мере подобные обороты могли удерживаться в языке вследствие влияния французского языка, а именно герундия, который в предложении может выполнять роль обстоятельства времени, образа действия [4, с. 20]. Полагаю, что независимые обороты, особенно рудиментарный «дательный самостоятельный» с его семантической и структурной компрессией, можно рассматривать как элемент экспрессивного синтаксиса.

4. С известной оговоркой как элементы паратаксиса можно рассматривать бессоюзные предложения, передающие отношения подчинения: *когда плачу, когда платки мою — вода очень близко* [1, с. 35]; *лежу... и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень пронизательны* [1, с. 35]; *Я уже шла, внизъ глаза опустивъ: смотрельщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ* [1, с. 40].

Рассмотрим состав и средства синтаксического оформления модусной части текста. Как уже говорилось, она очень богата и выразительна, и это составляет характерную черту «Записок».

Одна из составляющих модусной части текста — прагматико-коммуникативная направленность. Она осуществляется в первую очередь многочисленными формами императива глаголов восприятия, призванными активизировать внимание тех, кому адресован текст — сыну и невестке: *Подумайте, будучи дѣвкѣ...* [1, с. 8]; *Подумайте, каково мнѣ тогда было видѣть: всѣ плачутъ, суетятся, собираются!* [1, с. 21]; *Подумайте. Что я тогда была!* [1, с. 28]; *Войдите въ мое состояние, каково мнѣ тогда было!* [1, с. 29]; *Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти* [1, с. 31]; *Подумайте, кто намъ командиръ былъ* [1, с. 41]; *Войдите въ разсуждение, какое это мнѣ утѣшение...* [1, с. 10] и др.

Очень ярко проявляет себя в тексте субъективная модальность путем многократного использования вводно-модальных слов, реже предложений, с семантикой различной степени достоверности, преимущественно в оттенке предположения, а также частиц: *указомъ вельно-де вамъ ѣхатъ въ дальние деревни* [1, с. 20]; *вельно-де съ васъ кавалерию снять* [1, с. 24]; *Казалось мнѣ, что и небо плачетъ и всѣ стихии небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такие были, которые радовались* [1, с. 13]; *Кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило* [1, с. 17]; *знать судьба мнѣ такъ опредѣлила* [1, с. 19]; *Въ столице знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали* [1, с. 24]; *кажется, и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать* [1, с. 19]; *Такъ бы они, конечно, утонули* [1, с. 26]; *Можетъ быть, имъ тамъ скажутъ, что я уже умерла* [1, с. 31]; *Тогда я потеряла перло жемчужное... знать я его въ воду опустила* [1, с. 34]; *такъ больно треснетъ, кажется будто сердце оторвалось* [1, с. 43]; *Да эти лошади право и стоили того* [1, с. 23].

Значения и способы реализации значений объективной модальности традиционны и не столь актуальны и частотны. Это конструкции с предикативами *можно, не можно, нельзя* (одно употребление), *надобно*, глагол *мочь* и некоторые другие. Интерес вызывает следующее высказывание, модальное значение которого затруднительно однозначно определить: *Лизнулъ медку, и пришло было умереть* [1, с. 8]. Можно предположить, что конструкция передает значение предполагаемого, ожидаемого, но не обязательно реализуемого действия.

Понимая сложность вычленения, или расчленения, эмоциональной и экспрессивной составляющих аффективной сферы модусной части текста, считаем возможным выделить синтаксические явления в тексте «Записок», которые можно оценивать как конструкции экспрессивного синтаксиса. Очерчивая круг эмоциональных составляющих модуса «Записок» включением в высказывание междометий (ах, ох), междометных образований (Боже мой! О Боже! и др.), риторических вопросов, некоторых частиц, синтаксические экспрессивы можно видеть в тех случаях, когда на основное значение с помощью определенных синтаксических проявлений накладывается усилительный оттенок.

Полагаем, что в «Записках» как элементы экспрессивного синтаксиса могут быть поняты следующие явления.

- Конструкции, имеющие сегментацию, выражающуюся в повторной номинации субъекта или объекта высказывания: *Да фаворитъ ея, который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить* [1, с. 14–15]; *Женщины, какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ* [1, с. 29]; *Золовка меньшая, очень боялась — та плачет и кричитъ* [1, с. 35]; *Что есть радость, я ее не знаю* [1, с. 42]. В качестве повторной номинации используются местоимения.
- К элементам экспрессивного синтаксиса могут быть отнесены вставные конструкции, правда, нечастые в тексте: *Только что мы отобѣдали — въ этомъ сель былъ домъ господский, и окна были на большую дорогу: взглянула я въ окно, вижу пыль великую на дорогѣ* [1, с. 28]; *только черезъ порогъ переступила, назадъ упала, ударилась объ матицу, она была очень низка, такъ крѣпко, что я думала, что съ меня голова спала* [1, с. 38].
- Конструкции усиленного отрицания: *Нѣтъ, никто ничего не сказалъ* [1, с. 17]; *Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нету починки* [1, с. 21] или усиленного эмфатического утверждения с использованием местоимений и место-

именных наречий: *Куда какое это злое время было!* [1, с. 17]; *Какъ же я испугалась!* [1, с. 25]; *О Боже, какая это тоска пришла* [1, с. 3]; *Какъ это тяжело!* [1, с. 21]; *тамъ всѣ кричали: ахъ!* *Какъ она счастлива* [1, с. 19]; *Боже мой, какая перемъна!* [1, с. 19]; *Ох! Какъ мнѣ эти слова не полюбились* [1, с. 20]; *Ахъ, Боже мой! Какой же на меня страхъ нашель* [1, с. 27].

- Представляется, что элементами экспрессивного синтаксиса для текстов XVIII в. можно считать конструкции, обладающие свойством семантической и структурной компрессии, а именно многочисленные причастные и деепричастные обороты, в первую очередь неконструктивные, независимые, которые в это время были уже стилистически маркированы. Среди независимых оборотов наибольшей экспрессией обладали рудименты «дательного самостоятельного». Примеры приведены ранее.
- Риторические вопросы: *и я съ нимъ: отъ скуки что было делать?* [1, с. 23]; *можно ли ту бѣду описать?* [1, с. 29].
- Усиление темы частицами: *Вотъ любовь до чего довела!* [1, с. 31]; *Только меня и подбодряло, что онъ со мною* [1, с. 28]; *Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать* [1, с. 30]; *Я вскочила съ постели, бѣгу вверхъ, думаю еще хоть разъ увижу = ниже мѣста того знать: далеко уплыли* [1, с. 34].
- В известной мере к конструкциям экспрессивного синтаксиса можно отнести цепочки предложений, соединенных союзами **и** и **а**; в применении к древним текстам такие структуры называли «нанизыванием». *И такъ ужасно льсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ кверху подыметъ, и насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго* [1, с. 36]; *а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться, а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькие домики для пристанища* [1, с. 38]; *а дорожки такія узкия, что въ одну лошадь впряжено, а по обѣ стороны рвы глубокие и льсомъ обросли, а ѣхать надобно цѣлый день, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькие дворики для пристанища* [1, с. 43].
- Порядок слов, изменяющий тема-рематические отношения в высказывании: *Какая бѣда въ свѣтъ меня миновала — не знаю* [1, с. 42].
- Вопросительно-восклицательные предложения «обратной» семантики: *Боже мой, какое это их правосудие!* [1, с. 24] — утверждается отсутствие правосудия; *Как можно безъ вины и безъ суда сослать!* [1, с. 29] — утверждается, что нельзя; *Можно ли эту бѣду описать!* [1, с. 29] — утверждается, что невозможно.

В результате наблюдений, в отдельных случаях и небесспорных, актуален вывод, что в отношении текста «Записок» есть основания говорить о достаточно ярком проявлении элементов экспрессивного синтаксиса, которые, естественно, трудно отделить от проявлений эмоций. Элементы аффективного синтаксиса являются составляющими стилистического облика повествовательного текста «Записок», синтаксическую базу которых формирует синтаксис «среднего штиля» с включением элементов синтаксиса разговорной речи и синтаксиса «обиходного» языка/речи. Такие элементы можно найти и в более ранних текстах, например в произведениях протопопа Аввакума, а определенную модусную «напряженность» — даже в произ-

ведениях высокого красноречия древнего периода. Ярко выраженная, насыщенная элементами эмфазы и экспрессии модусная часть текста, наличие в лексике и синтаксисе разностилевых элементов, живость и выразительность языка «Записок» — все это позволяет видеть в произведении Н.Б. Долгорукой черты, предвещающие стиль сентиментализма, в то время как в целом по языку текст «Записок» остается в рамках «среднего» стиля середины — последней трети XVIII в.

Литература

1. «Записки» княгини Натальи Борисовны Долгорукой / изд. А. С. Суворина. СПб. [б. г.], (1897).
2. Словарь русского языка XVIII в. / Ю. С. Сорокин. Вып. 11. СПб.: Наука, 2000.
3. *Акимова Г. Н.* Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.
4. *Эгипти И. А.* Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2002.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2014 г.

Контактная информация

Черепанова Ольга Александровна — доктор филологических наук, профессор;
olga-home36@yandex.ru

Cherepanova Olga Alexandrovna — Doctor of Philology, Professor; olga-home36@yandex.ru